

НЕВЕДОМЫЙ МИР

Фантастический рассказ

Родом я из Гельдерна. Все наши владения — это несколько акров поросшей вереском заболоченной земли. В доме сохранилось лишь несколько пригодных для жилья комнат, и камень за камнем ферма умирает, заброшенная и ветхая. От всего когда-то многочисленного рода осталась лишь одна семья: мои родители, сестра и я.

Жизнь моя, начавшаяся так несчастливо, впоследствии чудесным образом изменилась — я встретил человека, который понял меня и сумел объяснить то, что пока известно только мне одному. Но до этого мне пришлось много выстрадать, я уже потерял надежду и, чувствуя себя совершенно одиноким среди людей, стал в конце концов сомневаться даже в том, в чем до сих пор был твердо уверен.

С первых же дней моего появления на свет я стал предметом всеобщего удивления. Нельзя сказать, что я был уродлив: говорили, что я сложен лучше, чем большинство младенцев. Но необычным был цвет моей кожи — бледно-сиреневый, очень бледный, но все же с фиолетовым отливом. При свете лампы моя кожа на-

поминала по цвету белую лилию, погруженную в воду. Кроме того, у меня были другие особенности, о которых я расскажу позднее.

Хотя я родился на вид вполне здоровым, мое дальнейшее развитие было мучительным. Я был тощим, плаксивым, и до восьми месяцев ни разу не улыбнулся. Все потеряли надежду меня спасти. Врач из Звартендама заявил, что мой организм для него загадочен, и единственный метод лечения, по его мнению, — соблюдать строгую гигиену. Но это не помогало, и я все больше хирел. Ждали, что я со дня на день покину этот мир. Отец, как мне кажется, смирился с этой мыслью: необычный вид сына не очень-то льстил его самолюбию добропорядочного голландца. Зато мать любила меня еще больше — она находила даже своеобразную прелесть в странном цвете моей кожи.

Вопреки опасениям я все-таки выжил и с тех пор рос удивительно быстро. Очень скоро мои близкие заметили у меня новую странность. Мои глаза, вначале выглядевшие вполне нормально, вдруг помутнели, стали как бы роговидными, напоминая надкрылья жука.

Доктор решил, что я теряю зрение. Впрочем, он не мог не признаться, что сталкивается с подобным случаем впервые в жизни. Вскоре зрачок и радужная оболочка обоих глаз настолько слились друг с другом, что отличить их стало невозможно. Кроме того, обратили внимание, что я мог не щурясь долго смотреть на солнце. На самом же деле я вовсе не был слепым и, надо признаться, видел совсем неплохо.

Итак, по мнению наших соседей, я рос маленьким чудовищем с лицом сиреневого цвета и глазами, затянутыми роговидной пленкой. К тому же я невероятно быстро и невнятно говорил. И хотя я сильно отличался от остальных людей, никто не посмел бы отрицать моей принадлежности к роду человеческому. Меня не сравнивали с уродцами, наделенными лошадиной или коровьей головой, плавниками, лишней парой рук или ног. Собственно говоря, у меня не было ярко выраженных признаков уродства, хотя в общем, конечно, я выглядел необыкновенно. И все же в моей внешности не было ничего отталкивающего. Я был на редкость хорошо сложен. Это позволяло мне легко выполнять все движения, требовавшие скорее быстроты и проворства, чем силы. Что же касается необыкновенной беглости моей речи, за которой нельзя было уследить, то ее вполне могли спутать с сюсюканьем или лепетом, свойственным почти всем детям.

Я рос сообразительным ребенком, но никто не занимался моим воспитанием:

ведь любила меня только мать, а для отца я был вечным позорищем. Его последняя надежда на то, что я стану похожим на других людей, со временем окончательно развеялась.

Уже в шестилетнем возрасте я был поразительно ловок и проворен для своих лет. Бегал, как косуля, перепрыгивал овраги и вообще легко преодолевал недоступные другим препятствия. За несколько секунд я взбирался на вершину бука или без малейших усилий вспрыгивал на крышу сарая. Но зато я быстро уставал даже от самого небольшого груза.

Все эти свойства указывали на мою исключительность. Но самая большая странность ускользала от внимания близких. Никто не замечал, как сильно отличается мое зрение от зрения обычных людей, особенно в отношении восприятия цветов спектра. Все, что при мне называли красным, желтым, зеленым, голубым или синим, было окрашено для меня в серые тона. Я хорошо различал цвета фиолетовой гаммы, которая для обычных людей сливается в сплошной черный. Позднее я выяснил, что вижу пятнадцать оттенков, отличающихся один от другого, как, например, желтый от зеленого.

Кроме того, я мог видеть сквозь непрозрачные предметы: стволы и листву деревьев, стены домов, металл, уголь. Облака не закрывали мне небо и звезды, причем, глядя на потолок, я видел и сами облака, плывущие по небу.

Но я не упомянул еще о

самом главном — о том, что я, наверное, единственный на земле, знал, что бок о бок с людьми существует мир живых существ, о котором никто даже не подозревает. Да, на нашей планете живут существа, не похожие ни на одних земных животных ни по своей форме, ни по строению, ни по способу размножения. Эти существа, очевидно, ничего не знают о нас, как и мы о них. Мир их велик и разнообразен, они обитают на земле, в воде и в воздухе.

Я был в восторге от своего открытия, мне захотелось рассказать о нем близким. Но, как я уже говорил, моя речь была непонятной для окружающих, и так как никто ко мне не относился

всерьез, то никто и не пытался разобраться в моей скороговорке. Я чувствовал, что в общении между мной и другими людьми возник почти непреодолимый барьер. Всем я был в тягость, и особенно остро ощущал это в компании сверстников. Я не стал их жертвой только потому, что быстрота моих ног делала меня недосягаемым для их злобных выходов. Несмотря на все уловки, мальчишкам никогда не удавалось провести меня. В конце концов они оставили меня в покое. Так, мало-помалу, отвергнутый всеми, я стал нелюдимым и замкнулся в себе. И только любовь моей матери поддерживала во мне доброту и нежность.

Жозеф Рони-старший (1856—1940) за шесть десятилетий литературной деятельности написал около ста книг. Среди его многочисленных сочинений — реалистические романы на жгучие социальные темы (некоторые написаны в соавторстве с младшим братом Жюстеном), трактаты по философии и эстетике, повести о первобытных людях и т. д. При жизни писателя, увенчанного Гонкуровской премией, а затем ставшего президентом Академии Гонкуров, высоко оценивались критикой, в частности А. В. Луначарским, социальные романы; повести же о первобытных людях — «Вампирэх», «Борьба за огонь», «Хищник-гигант» (в русском переводе — «Пещерный лев») — стали классическими детскими книгами и до сих

пор постоянно издаются. Научная фантастика в обширном творческом наследии Рони-старшего занимает не столь уж большое место и не имела такого успеха, как произведения других жанров. По существу, только сейчас начинается открытие Рони как выдающегося писателя-фантаста.

Главная тема его смелой фантастики — столкновение человека с неизвестными явлениями природы и неведомыми формами жизни. Прокладывая в этой области творчества принципиально новые пути, он переносит акцент с инженерно-изобретательской темы, привычной по романам Жюль Верна, на биологическую, которую трактует в духе учения Дарвина. При этом Рони опирается на научные гипотезы и заглядывает далеко вперед. Фантастические

Самый тяжелый период моей жизни — от двенадцати до восемнадцати лет. Все началось с того, что родители отдали меня в коллеж. Там я не узнал ничего, кроме страданий. Ценой невероятных усилий я научился внятно произносить некоторые самые необходимые слова, но так растягивал слоги, что моя речь походила на речь глухого. Если же я начинал говорить о чем-то интересном и увлекался рассказом, то вновь сбивался на свой обычный ритм, и тщетно было пытаться уследить за мной.

Почерк у меня был ужасный. Буквы налезали друг на друга, в нетерпении я пропускал целые слоги и слова. Получалась какая-то

галиматья. Впрочем, писать было для меня еще большей пыткой, чем говорить. Как это было медленно! Если иногда, обливаясь потом, я и выполнял задание, то после этого чуть не падал в обморок от изнеможения. Уж лучше было терпеть упреки преподавателей и наказания родителей.

Таким образом, я был совершенно лишен средств общения с другими людьми. Из-за худобы, необычного цвета кожи и странных глаз меня принимали за ненормального.

Видя, что я не делаю никаких успехов, родители решили забрать меня из коллежа, смирившись с тем, что я останусь неучем. В тот день, когда у отца исчезла

сюжеты его произведений необычны и увлекательны и спустя много десятилетий после первой публикации неожиданно попадают в русло научной фантастики нашего времени.

Например, в рассказе «Ксипехузы» Рони изображает борьбу первобытных охотников с очень странными существами кристаллической структуры, наделенными зачатками разума. Автор никак не объясняет происхождения этих загадочных существ, но сегодня их сочли бы «пришельцами» из другого звездного мира или саморазвивающимися кибернетическими устройствами. Самое же удивительное — рассказ «Ксипехузы» был написан в 1887 году (см. перевод в сборнике французской фантастики «Пришельцы ниоткуда». М., 1967).

Рони не объясняет и происхождения «модигенов», еще более странных, невидимых существ, якобы населяющих землю, воду и воздух. Обнаруживает их юный голландец, способный воспринимать недоступные человеческому зрению оттенки цветовой гаммы. Наделенный от природы необыкновенными биологическими свойствами, он подробно анализирует свои ощущения и постепенно раскрывающиеся ему самому особенности своего организма. Распространенная в современной фантастике тема биологической мутации едва ли не впервые разработана Рони-старшим в рассказе «Неведомый мир» (1898), который до сих пор на русском языке не издавался.

Евг. БРАНДИС

последняя надежда, он обратился ко мне непривычно ласково:

— Бедный мой мальчик, ты видишь, я до конца исполнил свой долг. Никогда не вини меня в своей судьбе.

Я был очень растроган, да же заплакал. В эту минуту я еще острее, чем когда-либо, почувствовал свое одиночество среди людей. Осмелев, я нежно обнял отца и пробормотал:

— Это неправда, я ведь совсем не такой, как ты думаешь.

Но он все равно не разобрал ни одного слова...

В самом деле, я чувствовал себя намного выше своих сверстников. Ум мой развивался необыкновенно быстро, я много читал и думал, ведь у меня было гораздо больше объектов для размышлений, чем у других людей. Только мать любящим сердцем понимала, что я не глупее других мальчишек моего возраста.

Когда я оставил учение, мне поручили пасти коров и овец. Я легко справлялся с этой работой, мне не нужны были ни лошадь, ни собака — ведь я бегал намного быстрее.

Так от четырнадцати до семнадцати лет я жил уединенной жизнью пастуха. Без конца сравнивая два известных мне мира, я пытался представить себе систему развития жизни на Земле. Правда, мысли мои были бессвязными и отрывочными, но они основывались на уникальных наблюдениях и могли бы иметь определен-

ную научную ценность. Эти раздумья были единственным утешением моей печальной жизни.

К семнадцати годам жизнь моя сделалась совершенно невыносимой. Я устал мечтать в одиночестве, изнемогал от тоски, неподвижно просиживая целыми часами, безучастный ко всему окружающему. Зачем мне знать, то, чего не ведают другие, если мои знания умрут вместе со мной? Моя тайна меня больше не опьяняла, не наполняла мою душу энтузиазмом, ведь я не мог ни с кем ею поделиться... Я еще больше отдалялся от людей.

Сколько раз я мечтал о том, как напишу все то, что знаю, пусть даже это будет стоить невероятных усилий. Но кто примет всерьез мои жалкие измышления и не сочтет меня безумцем? Да и стоит ли подвергать себя таким мукам: ведь для меня перенести на бумагу свои мысли — все равно что высечь их на мраморной плите...

Я еще больше исхудал и стал походить на призрак. Жители деревни дразнили меня «Святой дух», издали завидев мою долговязую фигуру, отбрасывавшую гигантскую тень.

Но вот постепенно в моей голове созрел план. Я решил покинуть этот суровый край и отправиться в большой город на поиски ученых и философов. Разве сам я не мог послужить им интересным объектом для исследований? Разве моя внешность, мое зрение, удивительная быстрота движений сами по себе не заслуживали пристального внимания ученых? Чем больше я об

Рисунки В. КОЛТУНОВА

этом думал, тем больше возрастала моя решимость. Наконец, я сообщил родителям о своих намерениях. Они не слишком хорошо поняли, о чем идет речь, но уступили моим настойчивым просьбам. Мне было разрешено поехать в Амстердам. И вот однажды утром я отправился в путь.

От Звартендама до Амстердама около ста километров. Я без труда преодолел это расстояние за два часа. Путешествие прошло без приключений. Не считая того, что в городках и поселках, через которые я пробегал, собирались толпы зевак, застывавших в изумлении от скорости моего бега. Чтобы не заблудиться, я несколько раз спрашивал дорогу у неторопливо бредущих стариков и благодаря превосходно развитому чувству ориентации около девяти вечера оказался в Амстердаме.

Я медленно шел вдоль прекрасных каналов и не привлекал к себе внимания, как опасался, смешавшись с толпой деловитых прохожих и лишь изредка вызывал усмешки каких-то юных гуляк. Но все же остановиться я еще не решался и уже обошел почти весь город, пока, наконец, не осмелился зайти в кабачок на набережной Геерен Грахт. Здесь было совсем тихо. Задумчивый канал струился между рядами деревьев, и я заметил, что среди модигенов (так еще в детстве я окрестил эти таинственные существа), снующих по берегам, появились новые для меня разновидности.

Слегка поколебавшись, я переступил порог кабачка и медленно, как только мог,

обратился к хозяину с просьбой указать на какую-нибудь больницу... В его взгляде я прочел подозрение и любопытство. Он вынул изо рта свою большую трубку, снова затянулся и затем уже произнес:

— Бьюсь об заклад, вы из колоний?

Поскольку спорить с ним не имело смысла, я утвердительно кивнул. В восторге от собственной проницательности он задал новый вопрос:

— Наверное, вы приехали из той части Борнео, куда нам невозможно попасть?

— Именно так.

Я ответил слишком быстро. Он вытаращил глаза.

— Именно так, — повторил я медленнее.

Хозяин с удовлетворением улыбнулся.

— Вам нелегко говорить по-голландски, не правда ли? Значит, вам нужна больница. Вы что, больны?

— Да.

Вокруг собирались посетители, уже прослышав, что я — антропофаг с Борнео. Однако смотрели на меня скорее с любопытством, чем с враждебностью. С улицы в кабачок сбегались зеваки. Мне стало не по себе, но я старался сохранять спокойствие и сказал кашляя:

— Я очень болен.

— Их обезьянам тоже вреден наш климат, — добродушно произнес какой-то толстяк.

— Какая у него странная кожа... — добавил другой.

— Интересно, как у него устроены глаза? — поинтересовался третий, указывая на меня.

Я был окружен плотным кольцом, на меня устреми-

лись сотни глаз, а в каба-чок заходили все новые и новые прохожие.

— Какой он высокий!

Действительно, я был на голову выше остальных.

— А до чего тощий!

— Непохоже, чтобы эти антропофаги прилично питались.

В их голосах не чувствовалось неприязни, а несколько сердобольных пытались меня защитить:

— Не давите на него так, он ведь нездоров.

— Ну, приятель, мужайся, — сказал толстяк, заметив мое беспокойство, — я сам отведу тебя в больницу.

Он взял меня за руку и с криком: «Дорогу больному!» — начал пробиваться сквозь толпу. Нас пропустили, но все тут же ринулись вслед за нами. Мы шли по набережной канала в сопровождении густой толпы, и люди кричали: «Это каннибал с Борнео!»

Наконец, мы добрались до какой-то больницы. Был приемный час. Нас провели к студенту-практиканту, юноше в синих очках, который встретил нас весьма не-любезно. Мой спутник сообщил ему:

— Это дикарь из колоний.

— Неужели дикарь? — вскричал тот. Он снял очки, чтобы лучше меня рассмотреть, на несколько секунд застыл в изумлении, затем резко спросил:

— Вы зрячий?

— Я прекрасно вижу.

Я произнес эту фразу слишком быстро.

— Это у него такой акцент, — с гордостью объяснил толстяк.

— Ну-ка, дружище, повтори!

Я повторил, стараясь говорить понятнее.

— У него необычное строение глаз... — пробормотал студент, — и цвет кожи... Такая кожа у всей вашей расы?

Тогда я сказал, делая невероятные усилия, чтобы он понял:

— Я приехал показаться ученому.

— Значит, вы не больны?

— Нет.

— Вы с Борнео?

— Нет.

— Откуда же вы?

— Из Звартендама, неподалеку от Дисбурга.

— Так почему же ваш спутник утверждал, что вы с Борнео?

— Ему так показалось, а я не стал с ним спорить.

— Вы хотите поговорить с ученым?

— Да.

— Но зачем?

— Чтобы меня осмотрели.

— Вы надеетесь на этом заработать?

— Нет, деньги мне не нужны.

— Так вы не нищий?

— Нет.

— Почему же вы стремитесь, чтобы вас осмотрел ученый?

— Из-за особенностей моего организма.

Несмотря на все усилия, я говорил слишком быстро. Приходилось повторять.

— Вы уверены, что отчетливо видите меня? — спросил юноша, не сводя с меня пристального взгляда. — Ваши глаза как будто состоят целиком из роговицы...

— Я великолепно вижу.

Я принялся шагать из угла в угол, хватая какие-то

предметы, ставя их на место, жонглируя ими в воздухе.

— Необыкновенно! — с восхищением воскликнул студент почти дружелюбным тоном, вселив в меня этим надежду. — Послушайте, — изрек он наконец, — думаю, что доктор Ванден Хевел заинтересуется вашим случаем. Я предупрежу его, подождите в соседнем кабинете. Да, я забыл, значит, вы абсолютно здоровы?

— Абсолютно.

— Хорошо. Идите сюда. Доктор сейчас выйдет.

Таким образом, я очутился среди заспиртованных чудовищ: эмбрионов, звероподобных детей, огромных земноводных, ящериц с антропоморфными чертами.

«Все правильно. Здесь мое место, — подумал я. — Наверное, я тоже мог бы претендовать, чтобы меня заспиртовали и поместили среди них».

Когда появился доктор Ванден Хевел, меня охватило волнение. Словно увидев землю обетованную, я задрожал от радости, что смогу к ней прикоснуться, получить ее благословение...

Доктор с крупной лысой головой, пронизательным взглядом психолога, тонким, но волевым ртом молча рассматривал меня и, как все остальные, был удивлен моей худобой, высоким ростом, странными глазами, сиреневым оттенком кожи.

— Вы сказали, что хотите поговорить с ученым? — спросил он.

Я ответил резко, почти яростно:

— Да!

Он одобрительно улыбнулся и задал обычный вопрос: — Вы хорошо видите?

— Прекрасно. Я вижу даже сквозь лес, облака...

Но я говорил слишком быстро, он кинул на меня беспокойный взгляд. Я повторил медленнее, чувствуя, что мой лоб покрывается испариной:

— Я вижу даже сквозь лес, облака...

— В самом деле! Это было бы просто необыкновенно! Ну а что вы видите, скажем, сквозь ту стену?

— Большой застекленный книжный шкаф, резной письменный стол...

— Верно, — сказал он с удивлением.

Несколько минут доктор молчал, затем произнес:

— Вы говорите с заметным трудом.

— Иначе меня не понимают, я произношу слишком быстро...

— Ну что ж, расскажите что-нибудь так, как вы обычно говорите.

Тогда я рассказал ему эпизод своего появления в Амстердаме. Он слушал предельно внимательно, с умным и сосредоточенным видом, какого я никогда еще не наблюдал у других людей. Он не понял ни слова из моего рассказа, но тем не менее смог сразу же сделать правильный вывод:

— Если я не ошибаюсь, вы произносите пятнадцать-двадцать слогов в секунду, то есть в три или четыре раза больше, чем может воспринять обыкновенный человеческий слух. Ваш голос гораздо выше всех слышанных мною голосов, ну а ваша мимика своей быстротой

полностью соответствует речи. Если так можно выразиться, все ваше строение «быстрее» нашего.

— Я бегаю скорее, чем гончая, — добавил я, — а пишу...

— Правильно, — перебил доктор, — посмотрим ваш почерк.

Я нацарапал несколько слов на протянутом мне бюваре, первые слова еще можно было понять, но остальные были совершенно неразборчивы.

— Так, так, — произнес доктор с удивлением, к которому также примешивалось некоторое удовлетворение. — Полагаю, меня можно поздравить, что мне посчастливилось встретиться с вами. Исследовать вас будет чрезвычайно интересно.

— Это мое единственное желание...

— И, разумеется же, мое. Наука... — Он замолчал, задумавшись, и вымолвил: — Главное, чтобы нам удалось найти какое-нибудь доступное средство общения.

Нахмурившись, он принялся шагать по кабинету и вдруг воскликнул:

— Как я раньше не додумался! Вы выучите стенографию, черт побери! — На его лице появилось выражение лукавства. — Я совсем забыл про фонограф. Отлично. Мы будем прокручивать запись на медленной скорости. Короче говоря, вы останетесь со мной здесь, в Амстердаме.

Чувствуя себя отныне причастным к науке, я испытывал огромную радость. Отчаяние из-за душевного одиночества, сожаление по бесцельно прожитым дням, — все, что угне-

тало меня долгие годы, отошло в прошлое в преддверии новой настоящей жизни.

Назавтра доктор отдал все необходимые распоряжения. Он написал моим родителям, нанял мне преподавателя стенографии, обзавелся фонографом. Так как он был очень богат и к тому же безраздельно предан науке, он не пропустил ни одного возможного опыта, и таким образом мое зрение, слух, мускулатура, цвет кожи были тщательно исследованы. Доктор все больше и больше воодушевлялся и восклицал: «Это потрясающе!»

Уже через несколько дней я понял, как важно, чтобы все опыты осуществлялись методически — от простого к сложному, от исследования мелких отклонений в моем организме до крупных аномалий. Кроме того, я прибегнул к небольшой хитрости: я раскрывал свои способности постепенно.

Прежде всего доктор заинтересовался быстротой реакций моего организма. Он убедился, что острота моего слуха соответствовала скорости речи. Во время опыта я имитировал еле слышные шорохи, прекрасно различал отдельные реплики в гуле десяти-пятнадцати голосов. Так же была установлена моя способность зрительно расчленять ряд последовательных движений, например галоп лошади или полет насекомого. Когда эти же эффекты были достигнуты с помощью моментальной фотографии, преимущество осталось за моим зрением.

Моя способность моментально пересчитывать бро-

шенные вверх предметы, или камни, или количество детей, беспорядочно бегающих по двору во время перемены, поражала семью и друзей доктора.

Скорость моего передвижения по саду, двадцатиметровые прыжки, умение мгновенно хватать и ставить на место предметы больше всего нравились не самому доктору, а его близким. Дети и жена моего друга радовались снова и снова, когда во время загородных прогулок я обгонял несущегося галопом всадника или бросался вдогонку за летящими ласточками — и в самом деле, не было такого живого существа в природе, которого я не опередил бы.

Чрезвычайно довольный результатами опытов, доктор дал мне следующее определение: «Человеческое существо, наделенное во всех своих проявлениях более высокой скоростью не только в сравнении с другими людьми, но и со всеми известными животными. Благодаря этому оно настолько выделяется среди рода человеческого, что заслуживает отдельного названия и места в иерархии живых существ. Признаками же этого особого разряда служит необычное строение его глаз и сиреневый оттенок кожи».

Исследовав мое мышечное строение, доктор не обнаружил ничего необычного, кроме крайней худобы. Мой слуховой аппарат также не дал новых сведений, за исключением незначительных деталей, как, впрочем, и кожный покров.

Что же касается моих волос, тонких, как паутинка,

черно-лилового оттенка, то они привлекали внимание доктора, и он подверг их тщательному анализу.

— Если бы я мог вас анатомировать... — часто подшучивал он.

Время летело незаметно. Благодаря способностям, которые я всегда проявлял к быстрому письму, и моей настойчивости, я довольно скоро овладел стенографией, куда, кроме общепринятых сокращений, я ввел также свои собственные. Мои записи расшифровывала стенографистка. Наши фонографы были изготовлены по особым чертежам доктора — они прекрасно воспроизводили в замедленном темпе мою речь.

В первое время я чувствовал: доктор не мог отделаться от подозрений, что все особенности моего организма были вызваны каким-либо умственным расстройством. Но как только это предположение отпало, наши отношения стали абсолютно сердечными.

Мы подвергли подробному анализу мою способность видеть сквозь большое число непроницаемых предметов или густо окрашенных веществ небольшой плотности, какими являются для меня вода, стекло, кварц... Хотя я отлично вижу сквозь деревья, листву, облака, но плохо различаю дно неглубокого водоема, а стекло, которое большинству людей кажется прозрачным, для меня выглядит темным и непроницаемым. Но из всего этого доктора, пожалуй, больше всего удивляло мое умение видеть звезды на облачном небе.

Только теперь я рассказал

ему, что цветовую гамму я воспринимаю тоже не совсем обычно. Опыты со всей очевидностью доказали, что красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий и голубой недоступны моему зрению, как, скажем, инфракрасный или ультрафиолетовый для человеческих глаз. А чистые краски спектра я видел серыми с черноватым оттенком. Следовательно, моя палитра цветов не соответствует общеизвестной.

Доктор тщательно и серьезно исследовал мое зрение, и его особенности в руках опытного экспериментатора послужили основой многочисленных открытий в изобретенных человечеством науках и дали ему ключ к решению загадок магнетизма, силы индукции, некоторых химических явлений, помогли создать новые физиологические понятия.

Зная, например, что какой-то металл включает в себя целую цветовую гамму, меняющуюся в зависимости от давления, температуры, воздействия электрического тока, или, что бесцветным газам тоже свойственна определенная расцветка даже при небольшой плотности, или, что предметы черного цвета на самом деле обладают великолепной ультрафиолетовой гаммой, превосходящей по красоте все известные оттенки, и, наконец, как меняется цветовой спектр электрического тока, коры дерева, человеческой кожи за один день, за один час или за одну минуту, нетрудно представить себе, что талантливый ученый может извлечь из этих данных любопытные выводы.

Как бы то ни было, эти опыты давали доктору творческое удовлетворение, какое может испытать лишь настоящий исследователь, совершая научное открытие, по сравнению с которым гипотезы так же холодны, как пепел рядом с пламенем.

Мы терпеливо трудились в течение года, но ни разу я не упомянул доктору о модигенах, мне хотелось завоевать полное доверие своего друга, дать ему все новые доказательства моего необычного зрения, прежде чем решиться на последнее признание.

И наконец, настало время, когда я решил открыться доктору.

Был осенний облачный день. Мягкая, теплая погода стояла уже неделю. Мы с Ван ден Хевелом гуляли по саду. Доктор молчал, погруженный в свои раздумья, затем произнес:

— Как великолепно, должно быть, уметь видеть сквозь облака... различать эфир, а мы, люди, жалкие слепцы...

— Но я вижу не только небо, — ответил я.

— Конечно, целый мир, непохожий на наш...

— Еще более непохожий, чем я рассказывал.

— Как?! — вскричал он с жадным любопытством. — Вы что-то от меня утаили?

— Самое главное.

Он застыл как вкопанный, не сводя с меня пристальных глаз, и в его взгляде я читал что-то тревожное и загадочное.

— Да, самое главное!

Мы подошли к дому. Я бросился за фонографом,

этот прибор был сильно усовершенствован доктором, и с его помощью мы могли вести долгие беседы. Слуга поставил фонограф на небольшой мраморный столик, за которым семья доктора в теплые летние дни обычно пила кофе. Прекрасный безотказный прибор просто располагал к разговору. И с его помощью наша беседа протекала, как обычный диалог.

— Да, я скрыл от вас главное, добиваясь прежде всего вашего безграничного доверия. Но даже теперь, несмотря на все открытия, которые вы сделали благодаря особенностям моего организма, я все же боюсь, что вы мне не поверите, по крайней мере, сначала.

Я замолчал, а фонограф повторил эту фразу. Доктор побледнел от волнения, собственного всем большим ученым, когда они предчувствуют крупное открытие. Его руки дрожали.

— Я верю вам, — произнес он с некоторой торжественностью.

— Даже если я буду утверждать, что все живое, иначе говоря, весь растительный и животный мир, населяющий землю, не единственная форма жизни, что существует также другая, не менее разнообразная и многочисленная, но невидимая человеческому глазу?

Он, наверное, заподозрил меня в оккультизме и, не сдержавшись, сказал:

— Ну да, загробный мир — тени, призраки, привидения...

— Ничего подобного. Это мир живых существ, обреченных, как и мы, на ко-

роткую жизнь, на рождение, развитие, борьбу...

Мир, такой же слабый и эфемерный, как наш, подчиненный определенным, если не тем же законам, так же безоружный перед случаем, но вместе с тем совершенно непохожий на наш, никак на нас не влияющий, как, впрочем, и мы на него, не считая тех изменений, которые мы взаимно вносим на нашу общую основу — землю.

Не знаю, поверил ли мне Ван ден Хевел, но он был охвачен сильным возбуждением.

— Они что, жидкие? — спросил он.

— Этого я сказать не могу, поскольку их свойства слишком противоречат нашему представлению о материи. Почва и некоторые другие минералы являются для них такой же твердой основой, как и для нас, хотя они могут слегка погружаться в чернозем. Впрочем, они совершенно непроницаемы, тверды по отношению друг к другу. Они могут проходить сквозь растения, животных, органические вещества, а мы, в свою очередь, также проходим сквозь них. Если бы они могли нас видеть, возможно, мы также показались бы им жидкими, относительно их самих. Но, как и я, они не смогли бы сделать какой-то более конкретный вывод, они тоже были бы поражены соответствующими странностями нашего мира. Их форма необычна для нас полным отсутствием объемности. Их размеры могут безгранично меняться. Я видел одних, достигавших ста метров длины и других, крошечных,

как наши мельчайшие насекомые. Их очертания весьма изменчивы и имеют одну особенность — они настолько тонкие в одном из трех измерений, что кажутся нарисованными, как линии геометрических фигур. Они движутся, словно перемещаясь по поверхности, иногда останавливаются, как будто натолкнулись на невидимую преграду. Они питаются за счет земли, но это никогда не служит поводом для преступлений — достаточно сильному взять власть, остальные беспрекословно повинуются, и я не видел, чтобы один отбирал власть у другого ценой жизни.

Доктор внезапно перебил меня:

— Вы наблюдаете за ними с детства?

Я понял, что он имел в виду. Он опасался какого-то умственного расстройства, которое могло недавно поразить мой мозг.

— Да, с детства, — твердо ответил я. — Еще ребенком я любил рассматривать этот кишачий вокруг меня мир, загадочное царство, известное только мне одному. Уже тогда я понял, что главное в этих существах серого цвета — блестящие, переливающиеся линии, которые расходятся от центра в разные стороны, а потом, став расплывчатыми, вообще исчезают. Когда существо движется, линии дрожат, колеблются, а очертания контура меняются мало. Ребенком я не мог дать всему этому определения, но всякий раз, когда я смотрел на модигенов, меня охватывало чувство восторга. Все они в основном живут на земле, но есть еще одна разновид-

ность, населяющая воздух, — создания удивительно прекрасные и изящные. Самые красивые птицы выглядят по сравнению с ними блеклыми и тяжеловесными, их фон уже не серый, а сверкающий, он сияет, как солнце, и линии выделяются на этом фоне, как дрожащие жилки. Вюрены, как я их назвал, передвигаются посредством ритмических движений, то сжимаясь, то разжимаясь. Они сильно волновали мое воображение.

— А сейчас вы их видите?

— Вижу. Их много в саду.

— Где, например?

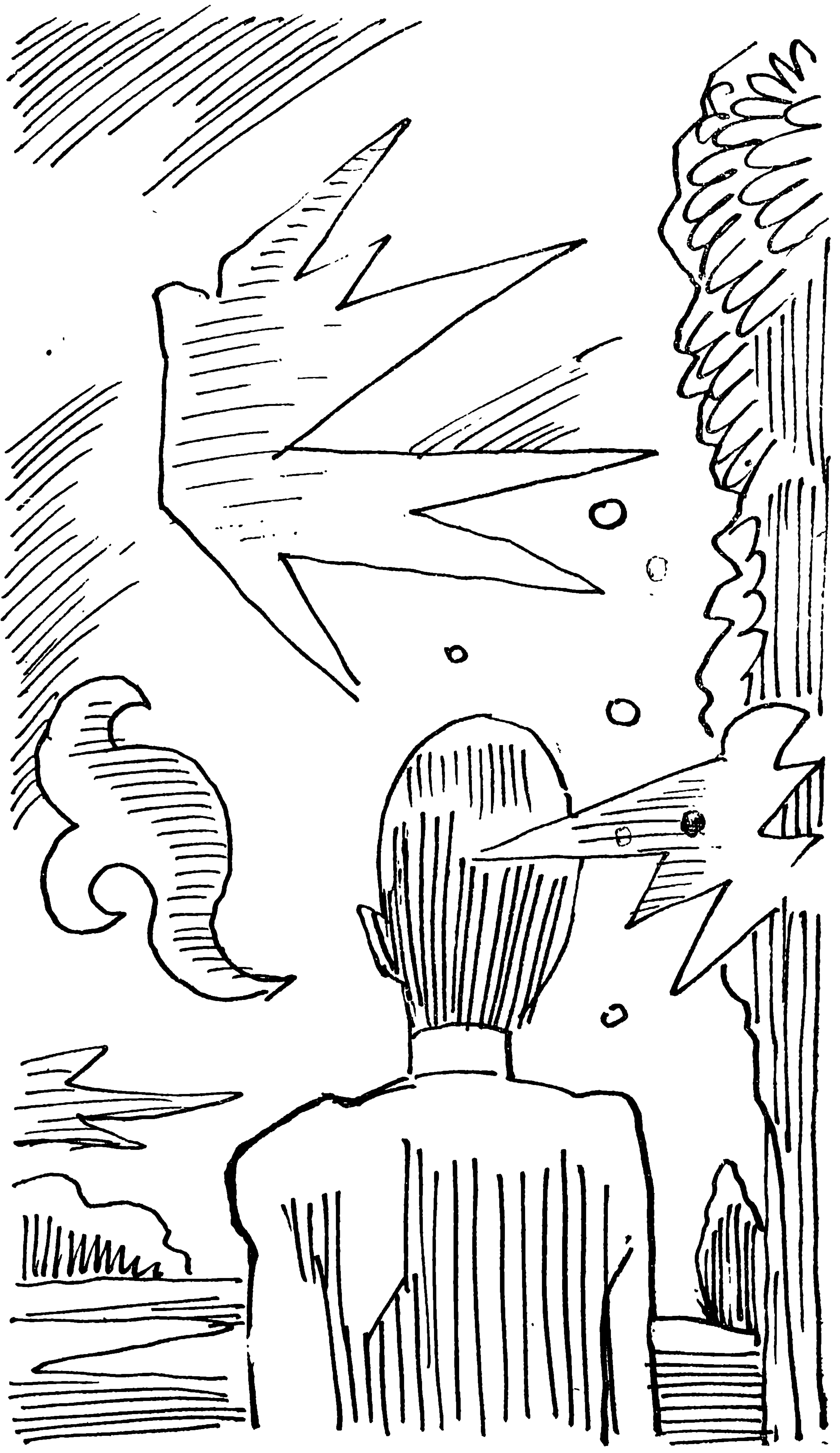
— На аллее, на лужайках, на изгороди, в воздухе...

— Их повсюду много?

— Да, в городе не меньше, чем в деревне, как в домах, так и на улицах. Те, что проникают внутрь, невелики по размерам, потому что попасть в помещение для них, видимо, не просто, хотя деревянные двери не являются для них преградой.

— опишите мне одного из них, покрупнее...

— Вон под тем деревом я вижу гиганта длиной метров в десять и почти такой же ширины, а рядом другого — вытянутой, довольно неправильной формы. Выпуклый справа и вогнутый слева с вздутиями и впадинами на поверхности тела, он похож на огромную короткую личинку. Как я говорил, наиболее характерный признак модигенов — линии, беспорядочно пересекающие тело и сходящиеся в одном центре. Сам центр определенной формы не имеет, он может быть эллипсоидным, иногда спиральным, реже — вообще бесформенным.

Модигены чрезвычайно подвижны, они могут расти буквально на глазах. Края их тела беспрестанно охвачены поперечно-волновыми колебаниями; обычно линии, исходящие от краев, — широкие, реже тонкие. Они расходятся в разных направлениях и постепенно исчезают, превращаясь в огромное число небольших точек.

Доктор дважды прокрутил этот валик, затем надолго задумался. Никогда еще я не видел его в подобном состоянии. Его лицо посуровело, застыло, глаза словно остекленели, виски покрылись каплями пота. Он попытался заговорить, но не смог и вышел в сад успокоиться.

Когда он вернулся, в его взгляде, в линии волевых губ я увидел такую яростную, неподдельную страсть, что подумал:

«Он больше похож на проповедника новой эры, чем на заурядного охотника за научными феноменами».

Наконец доктор сказал:

— Я потрясен. То, что вы мне рассказали, выглядит вполне достоверно, да я и не имею права сомневаться после нашей совместной работы...

— Ну что ж! Сомневайтесь! — воскликнул я с жаром. — Сомневайтесь! Ваши опыты будут лишь более плодотворными.

— Ах до чего же это интересно! — произнес он мечтательно. — Это превосходит самые невероятные чудеса из волшебных сказок. Как все-таки скудно воображение человека! Я чувствую в себе огромный прилив энтузиазма, однако что-то в глу-

бине души еще заставляет меня сомневаться.

— Тогда давайте трудиться, чтобы рассеять вашу неуверенность. Наши усилия окупятся с лихвой!

И мы начали трудиться. Понадобилось несколько недель, чтобы окончательно опровергнуть все сомнения доктора. Сложные опыты полностью соответствовали всем моим утверждениям, а несколько удачных открытий о влиянии модигенов на атмосферные явления не оставляли повода для сомнений. Сотрудничество старшего сына Ван ден Хевела — юноши, безгранично преданного науке, сделало наши поиски еще более успешными, а наши находки — бесспорными.

Благодаря исследовательскому уму этих двух ученых, их умению сопоставлять и классифицировать (что я тоже начинал постепенно осваивать), наконец прояснилось все то, что казалось непонятным в моих сведениях о модигенах. Открытия следовали одно за другим. Четкая исследовательская работа давала стабильные результаты, а ведь несколько столетий назад или еще в прошлом веке заявление, подобное моему, повлекло бы за собой лишь долгие и бесплодные дискуссии.

Вот уже пять лет, как мы продолжаем наши совместные опыты. Они еще весьма далеки от завершения, и мы не скоро сможем опубликовать свои выводы.

Наш принцип — не торопиться с заключениями. Открытие, сделанное нами,

слишком значительно — мы должны терпеливо изложить все свои доказательства, вплоть до мельчайших деталей. Нам ведь не грозит опасность отстать в своих поисках от другого ученого, мы не стремимся к почестям и наградам, мы достигли той научной вершины, где уже не существует чувства гордости или тщеславия. Разве можно сопоставить нашу плодотворнейшую работу и жалкое стремление к славе?

Неужели единственным поводом для честолюбивых устремлений может служить особенность моей природы? Было бы недостойно на этом спекулировать. Вся наша жизнь теперь занята научными поисками, которые внесли в нее ясную цель.

Со мной произошло удивительное событие, наполнившее мое существование бесконечным счастьем. Я уже говорил, как я уродлив, скорее странен. Я способен лишь пугать женщин. Но, однако, я нашел себе спутницу, которую мое присутствие не только не тяготит, а даже радует.

Это несчастная девушка, отличающаяся чрезвычайной нервозностью. Мы случайно познакомились с ней в одной больнице Амстердама. У нее болезненный, изможденный вид, бледное лицо, впалые щеки, блуждающий взор. Но мне она кажется прекрасной, и ее общество доставляет мне наслаждение.

Мое же присутствие, казалось, с самого начала способствовало ее выздоровлению. Я был польщен. Мне хотелось видеть ее снова и снова. Очень скоро все заме-

тили, что я оказываю на нее благотворное влияние. Уже впоследствии опытным путем мы установили, что мое тело излучает особые магнитные волны, а прикосновение моих рук приводит ее в спокойное, уравновешенное состояние, буквально исцеляет ее. Я тоже чувствовал себя рядом с ней намного увереннее. Она внушала мне нежность, ее худоба и бледность казались мне лишь изысканными. Ее глаза не казались мне блуждающими, как утверждали другие. Коротко говоря, я испытывал к ней особое расположение, и она с горячностью ответила на мои чувства. Я решил жениться на ней и благодаря моим друзьям смог без труда осуществить свое намерение. Наш брак оказался счастливым. И хотя здоровье моей жены еще достаточно слабое, оно с каждым днем улучшается.

Я почувствовал радость, что могу жить, не отличаясь от нормальных людей. Но особенно счастлив я стал полгода назад: у нас родился ребенок, поразительно похожий на меня, — он унаследовал мой цвет кожи, зрение, слух, быстроту движений, — словом, он обещает стать точной копией своего отца.

Доктор с восхищением следит за его развитием. У нас появилась твердая уверенность, что наши опыты по изучению существования модигенов — мира, невидимого для человечества, не остановятся, когда меня не будет. Мой сын продолжит дело отца. А может быть, он найдет сподвижников, которые поднимут наши исследования на новую

высоту? Ведь мои внуки тоже, наверное, смогут увидеть неведомый для других мир?

Я надеюсь, что у нас появятся еще другие дети, похожие на меня...

При мысли об этом мое сердце наполняется ра-

достью, я испытываю блаженство, понимая свою особую миссию перед человечеством.

**Сокращенный перевод
с французского
М. ТАЙМАНОВОЙ
и Н. ФЕДОРОВОЙ**

